
Людмила ЗУЕВА

«Тебе приснился Бог, просил построить дом...» — эта строчка из стихотворения Людмилы Зуевой уже не первый год кружит во мне. А в следующей строфе приходит «Ван Гог в распятых башмаках»... Я это стихотворение вспоминаю, пересказываю себе, думаю о нем.

В стихах Людмилы Зуевой все образы внахлест, суровой нитью друг к другу. Прочел и «оцарапал сердце». Чувствуешь себя раненым и счастливым.

Арина ОБУХ

СОН У РЕКИ

Тебе приснился Бог,
Просил построить дом —
Вдали от всех дорог,
Где гостем будет он.

Потом пришел Ван Гог
В распятых башмаках:
Что Бог в них, что порог —
Нет сносу им в веках.

Ворвались в сон грачи,
Вернув надежды март.
Ты только не ворчи —
На их Саврасов гвалт.

Пивные облака
Легли на дно реки,
А с неба-потолка
Вдруг краски потекли.

И почерневший лик...
— Ты узнаешь бойца?!
Молоденький старик
С иконы — ждет отца.

ИЗ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

В столице закатов
С имперским рассветом
Времен самокатов,
Династий кюветов...

Парней провожали
Обычные мамы.
Их груди — скрижали,
И древние шрамы

На камне сердечном
Кровить начинали:
Война в токе млечном,
А не биеннале.

Не выставка арта
Свобод и кадила,
А школьная парта,
Что стала могилой,

Деревья, что небо
Царапают Богу,
Их корни, как ребра,
Торчат на дорогу.

И крыша роддома,
Родившая небо... —
Державный обломок
В ларьке ширпотреба.

РЕЧЬ-РЕКА

Речь-исповедь-река —
Вхожу в твои реченья,
В пороги, зеркала
И омутов верченье.

В течение твое,
В языке токов многих —
Что собрала в одно.
И нас, колен двуногих,
Поставила на дно.

Омыла смыслом слов,
Позволила прощенье —
Мы твой смешной улов,
Ты наше восКрещение.

ЛУКЕРЬЯ

И каждый плакал о себе,
Когда Лукерья уходила.
Как в поезде, в ее судьбе —
Так много было пассажиров.

А я боялась целовать
Ее лицо — рябин морщины,
Рук борозды — спасенья гать,
Чужих родных след журавлиный.

К ней приходило все село —
Совет взять, яблок да малины,
За песней: голос, как весло —
Что рассекало душ глубины.

Сама рожденная в войне,
Меж войн любила и рожала.
И столько мира было в ней —
Сады трясло от урожая...

Платочек белый, нашатырь,
Охрипший кот, узнавший первым.
Последний пастырь свел в пустырь:
— Здесь будет брег однажды вербный...

Ногами упираясь в небо,
Дед — маятник часов в бреду —
Ее хотел, как нищий хлеба.
Ждал тридцать лет, топил звезду.

БОЛЬ

Мне кажется, я вижу свою боль:
Она садится, девочкой, в маршрутку —
На площади Свободы, Горького ль,
А я шагаю прочь, вжимаясь в куртку.

Молю — чтоб не звала меня с собой,
Не закружила в жертвенном угаре.

Всплакни, Рахиль, седой своей слезой,
Оставив след на бренном тротуаре.

ЛЮБОВНЫЙ ОБРЯД

Дерева — как паломники —
Окунались в источники.
И я с ними, чтоб вспомнить дом:
Там, где жить мне потом-потом.

Там, где печь по утрам хлеба,
Летом впрок запастать дрова.
И ждать в гости родных — а вдруг?
Может, чей и заглянет дух.

И душа моя, небылица,
На просвет — тростинка-девица —
Надевает калоши и в сад —
Свой любовный свершати обряд.

За ночь все охладело чуть:
Вишни, яблони, малин чудь,
Тропки в травы забились, спят —
Ждут хозяйкиных ножек, пят...

С деревьев цвет слетал во пьянь-метель,
Колокола, как призраки, шатались.
И голоса их — птицами без тел —
Одними крыльями груди касались.

ВЕТРЕННОСТЬ

Ты ветер, ветр! Несешься, издыхая —
Не ветреный француз и не сквозняк Шенген —
Ты Стенька да Иван, ты вольница донская,
Ты русский с бодуна и в небе до колен.

Ловлю тебя — на глас, на тень среди пустыни,
Чернилами истекший взмах родной руки.
Ты смотришь мне в глаза, входя во льды гордыни —
Но воды той меня уж слишком глубоки...

Сухие льют дожди: ты дышишь слишком быстро,
И черпаем мы жизнь из разных мертвых бездн.
В ночь старица с косою льнет к деве с коромыслом
И допевает шторм развеянную песнь.

ЗЕМНАЯ

Февраль влез в старое пальто,
В чужой исходник.
Трещит по швам Байкал со льдом,
И лес — в исподнем:

Он не лежит воротником,
И хвост — в прореху,
Раззявил пасть с одним клыком —
Грех на потеху...

И мы — на разных этажах
Одной моленной:
Я слышу — кости как дрожат,
Ты — стон Вселенной.

Я вижу детские следы
Среди звериных,
А ты приводишь в дом святых —
Неумолимых.

Для поцелуев — только крест...
— Кафтанец тришкин! —
И некуда мне деться здесь,
Я слишком, слишком.

ТОПИТЕ!

От нее пахло лесом апрельским —
В январе протрезвевшим да лешим,
А в щемящих глазах сохли фрески —
Что видала в юдолевы бреши.

Понесла. И нелегкая, кстати:
Нету дров — так стихами топите!
Чтоб в Пегасово стойло создатель
Мог зайти, как в родную обитель...

Музы в ошип летели, как куры —
Будут щи поострей, злей перины,
И поэты придут с перекура,
А все няни вдруг станут Арины.